

Материалы VII Конвента РАМИ

Круглый стол № 3

Международное право и современные теории международных отношений: проблема сочетаемости

Воронин Евгений Ростиславович, ведущий сотрудник ИМИ МГИМО (У) МИД России, посол в отставке

Европейская идея как цивилизационный проект верховенства права

Актуальность европейской идеи может быть объяснена целым рядом причин. Прежде всего цивилизационной и правовой ролью этой идеи.

Процесс дальнейшего схождения России, Русской Европы и другой, объединенной Европы в единое цивилизационное пространство остается неустойчивым и неопределенным. Мало меняющееся положение все более усиливает убеждение, что без цивилизационного прорыва в партнерской конструкции Россия-объединенная Европа ни развитие политических контактов, ни многообещающие «флирты» в области коллективной безопасности, ни реальная общность интересов в отражении новых вызовов (терроризма и других угроз), порождаемых кризисным межцивилизационным состоянием (Западный мир и мусульманский Восток) преодолеть взаимное отчуждение внутри Европы вряд ли возможно. Идея права – сегодня единственная идеология, как не покажется это словосочетание «оксюмороном», которая объединяет Европу, выросшую на корнях христианства и европейских правовых теорий. Правовая идеология может заявить о себе как основа общеевропейского единства. Что такое европейская цивилизация в экзистенциальном контексте? Европейская цивилизация – это состоявшиеся правовые государства и заложенные в их межгосударственных отношениях принципы международного права.

Европейская цивилизационная идентичность – это, прежде всего, правовое сознание, это приверженность внутреннему и внешнему закону. В поле европейской цивилизации и идентичности решается основной вопрос времени для России – проблема завершения переходного периода в становлении правового государства, устойчивости внутреннего политического развития на принципах демократии и свободы. По определению выдающегося русского мыслителя Владимира Бибикина, современное право как институт человеческий есть явление принципиально европейское и этим определяется его отношение к русской цивилизации. В свое время канцлер А.М.Горчаков указывал на «потребность соединить русское сердце с европейским умом».

Европейская идея не только не противоречит национальному многообразию, но предполагает его. Утверждение Мишеля Фуко – «Европа в своей основе множественна. Что, разумеется, не значит, что между государствами нет различий» – сохраняет свою полноценность и «адекватно времени». Реализация европейской идеи противоречит только одному – изоляционизму во всех его проявлениях – мессианском, идеологическом, этнократическом и ином. Речь не о классическом, «привычном» евроцентризме. В глобализованном состоянии мира любому этноцентризму вряд ли найдется место. Хотя цивилизационно-правовой, культурный, социально-экономический евроцентризм как модель сохраняет определенные позиции.

Новое прочтение смысла европейской идеи принципиально не имеет ничего «общего» с «реставрацией», или тем более с прямым наследованием панъевропейской доктрины времен графа Куденхове-Калерги (20-30е годы прошлого века). Панъевропеизм предусматривал усеченную картографию континентальной Европы, границы которой не простирались бы за Рейн и Березину, оставляя вне ее и Британию и Россию. Панъевропейская идея, построенная на разделительных межнациональных и идеологических линиях, не рассчитанная на общеевропейскую цивилизационную модель, не могла не потерпеть поражения. Панъевропеизм явился своего рода военно-политическим обоснованием для европейских оборонных проектов известных как «Линия Мажино», «малая Антанта», санитарные пояса, и был неспособен предотвратить вызовы времени.

Признаки преодоления холодной войны, несмотря на взаимные анафемы с Русской стороны и Западного сообщества, очевидны. Гибельного военного противостояния по идеологической дуге, как питающего почву непредсказуемого военного коллапса, в Европе ныне не существует. Западный военный альянс под северо-атлантической звездой «благополучно» существует, но его будущее напоминает нечто виртуальное. Можно ли представить себе западноевропейца, способного на любую жертву за счет достигнутого благополучия и ради него на противостояние и «лелеянную» интервенцию против... кого-либо? Ливия не в счет – в социальном плане это было выражение европейского самонадеянного мещанского духа, как называл его когда-то А. Герцен, и пренебрежения к нормам международного права. Расходы западноевропейца на шантан-кафе или на гаштеты из-за Ливийской операции НАТО не уменьшились. Оппоненты международного права из западных исследовательских центров утверждают, что законность – это одно (закон должен защищать личность, права человека, в том числе от власть предержащих), а легитимность – это совсем иное. Согласно подобной концепции, правовая обоснованность гуманитарной интервенции или отсутствие таковой – это норма второстепенная. Как утверждает известный французский эксперт Д. Моизи, закон защиты в гуманитарных целях превалирует над проблемой легитимности внешнего вмешательства (ливийский казус). По его мнению, такая концепция дает «моральные и политические» основания для интервенции в Сирии, где разыгрывается «гуманитарный сценарий, близкий к гражданской войне» в Испании в 30-е годы прошлого века. Политическое мифотворчество, построенное на пренебрежении норм международного права или их формальном декларативном понимании, подчиненности исключительно политическому интересу оказывается ущербным для всего международного сообщества. Все это противоречит принципу верховенства права в международных отношениях.

В то же время в России далеко не все готовы признать, что, в силу меняющейся геополитической ситуации, угрозы и смертельные вызовы идут не от западной части Европейской цивилизации, а с других – южных и восточных направлений. У А. Платонова в «Ювенильном море» героиня Федератовна прямо заявляет «Я только интервенции боюсь, а больше ничего», надо понимать – со стороны Западной Европы.

Проблема единства Европы – это проблема экзистенциальная. У России и объединившейся Европы время – одно, общее, но бытие – разное, несоединенное. Расколотившее цивилизационное состояние порождает проблемы самоидентификации в России, проблемы определения европейской идентичности в объединившейся Европе. У евросоюзников сохраняются сомнения в отношении реальности правового государства в России, у русских все меньше доверия (особенно вследствие интервенции в Ливии и спонсирования гражданской войны в Сирии) в отношении приверженности Западом нормам международного права и, прежде всего, фундаментальным принципам уважения суверенитета, невмешательства. Степень «высокого взаимного недоверия» в Европе сохраняется со времени завершения холодной войны. В правовом, культурном и социальном содержании цивилизационного единства Европы наиболее адекватно проявляется доктрина европейской идеи.

Европейская идея – это идея права. И дело не в легалистских теориях международных отношений. Именно право, право международное является заложником ситуации политического недоверия в Европе. Русский проект Договора о европейской безопасности (ДЕБ) как юридически обязывающего, международного документа является жертвой не только существующего невнятного уровня правосознания в международных отношениях. Отказ от общеевропейской системы безопасности на правовых началах означает перманентную перспективу конфликтных ситуаций в Европе. Остается лишь напомнить, что право должно быть осмыслено раньше, чем конфликт.

Европейская идея, как выражение верховенства права, должна стать основным камнем в конструкции европейского, а в перспективе и евроатлантического и евразийского пространства. Это как в евангельском тексте про тот камень, который отвергли строители, но который встал впоследствии во главу угла. Не будет единства в подходе к проблеме верховенства права в международных отношениях – не будет единой Европы – «Большой Европы».